

МЕТОДИКА МЕНТАЛЬНОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА¹

Статья посвящена вопросам методологии изучения городского пространства, а именно описанию одной из современных методик – «ментальному картографированию». «Ментальное картографирование» является набирающим все большую популярность инструментом изучения города. В данной статье описаны: теоретическое обоснование данной методики, а также опыт её применения в рамках исследования парка им. Чехова города Перми.

Ключевые слова: ментальные карты, картографирование, методика исследования города

Одним из инструментов исследования городского пространства является методика «ментального картографирования». Описываемая методика получила своё развитие благодаря исследованию городского пространства К. Линча и получила подробное изложение в его работе «Образ города». Методика ментального картографирования исследователя представляла собой «интервью с «просьбой нарисовать эскизный план города, дать детальное описание нескольких путешествий по городу, перечислить и кратко описать те его части, которые наиболее четко и живо закреплены в памяти»» [2, С. 140]. В настоящее время существуют несколько трактовок методики «ментального картографирования», остановимся подробнее на одном из вариантов, а именно, на трактовке ментальных карт как изображения местности, выполненного информантом по просьбе исследователя. Примерами использования данной методики картографирования в настоящее время могут служить: исследование Е.Ю. Герасимовой и С. А. Чуйкиной [5, С. 211], исследование города А.Е. Карпова [5, С. 211], исследование района «Китай-город» города Москвы К.П. Глазкова [1], применение методики «ментального картографирования» Н.В. Веселковой [3] и другие. Остановимся подробнее на теоретическом аспекте построения ментальных карт.

В своей статье, посвящённой вопросам методологии построения ментальных карт города, кандидат социологических наук Н.В. Веселкова выделяет четыре методических критерия, обуславливающих процедурные особенности сбора и анализа информации, получаемой в результате ментального картографирования [3, С. 6-12]. Во-первых, изучаемые представления визуализированы. «Ментальные карты – это не продолжение или дублирование («иллюстрация») вербальной информации, а самостоятельный эмпирический материал, где визуальное является центральным, приоритетным». Во-вторых, ментальные карты визуализируют представления о местности. Ментальная карта респондента должна выражать его представления об изучаемом пространстве. В-третьих, респондент является непосредственным создателем ментальной карты. Раскрывая данный критерий, следует отметить, что в случае с нанесением на карту наблюдаемых явлений рукой исследователя, речь идёт о «социальном картографировании». Ментальное картографирование подразумевает заполнение предлагаемой карты информантом самостоятельно. В-четвёртых, целью создания ментальной карты является дальнейшее её использование в рамках исследования, т.е. карта создаётся для исследования, а не для развития памяти, индивидуального самовыражения и др. (в этом заключается главное отличие «ментальной карты» от «интеллект-карты»).

Заметно возобновление интереса к использованию данной методики в исследовании не только образа города в целом, но и конкретных зон городского пространства (см вышеупомянутое исследование «Китай-города»). Так в рамках комплексного социологического исследования парка им. Чехова города Перми, проведенного летом 2016 года, была использована методика «ментального картографирования» в сочетании с методами наблюдения и формализованного интервью². Указанный метод работал на

¹ Исследование проводилось в рамках разработки «Концепции развития Парка им. Чехова»

© Прокофьева А.В., Ильиных Е.В., 2016 г.

реализацию задачи выявления образа парка глазами его посетителей. Поскольку формализованный опрос выявляет лишь стандартизированную картину, необходимо было задействовать качественную традицию, в рамках которой мягкие методы сбора данных позволяют выявить представление о явлении или процессе, исходя из системы координат самих посетителей, а не заданной исследователем через инструментарий формализованного опроса с предложенными вариантами ответа и формулировками вопросов.

Метод ментального картографирования предполагал ведение беседы в виде неформализованного интервью, когда информант фиксирует (рисует) на карте основные существующие объекты в парке, маршруты своего передвижения и другое и дает к этому пояснения. На первом этапе в ходе серии включенных наблюдений были выявлены основные группы посетителей парка, что в дальнейшем позволило сформировать выборку. Как для формализованного опроса, так и для ментальных карт в качестве основных групп посетителей были взяты юноши и девушки старшего подросткового возраста, родители детей дошкольного и младшего школьного возраста, взрослая молодежь и зрелые люди, а также пожилые люди. В ходе исследования было собрано 10 ментальных карт у представителей данных групп.

«Инструкция» по созданию ментальной карты парка была сконструирована согласно приведенным выше методическим критериям, а также в соответствии с разными типологиями карт. Применительно к ментальным картам есть несколько принципиальных различий их типов: последовательные и пространственные, спонтанные и детальные, карты, описывающие «место для себя» и «место для другого». Первое – выделение «последовательных» и «пространственных» типов карт – было введено в середине 1930-х гг. советским психологом Ф.Н. Шемякиным, давшим название двум стилям ментального картографирования «карта-путь» и «карта-обозрение». Западные исследователи Д. Эпллард, М. Мэтьюз предложили термины «последовательная карта» – *sequential map* и «пространственная карта» – *spatial map* [3, С. 27]. В исследовании Парка им. Чехова данные принципы проявились в разных типах заданий. Пространственная карта создавалась за счет заданий 1 и 3. Задание №1 в своей формулировке звучало следующим образом "Нарисуйте карту парка имени Чехова, как Вы его себе представляете прямо сейчас", в пояснениях к инструкции также уточнялось "Вы можете обозначить все его элементы, которые придут на ум". Таким образом в ходе сбора данных исследователи смогли получить данные о значимых для посетителей парка объектах инфраструктуры, в анализе также обращалось внимание на порядок называния объектов, их характеристики и комментарии по поводу их использования. Задание №3 было направлено на получение информации о тех объектах в парке, которых на взгляд посетителей не хватает в нем. Принципу построения "последовательной карты" или "карты-пути" соответствовало задание №2 "Представьте, что Вы совершаете свои обычные перемещения по парку, гуляете или проходите через парк по своим делам. Отобразите на этой карте свой маршрут и расскажите о нем". Данное задание помогло создать представление об основных потоках посетителей в парке, практиках их мобильности и перемещения по его территории. Вторую исследовательскую задачу, которую удалось решить за счет данного задания – это получить дополнительное представление о том, как в своих повседневных практиках перемещения по парку посетители используют его инфраструктурные объекты.

Сбор ментальных карт осуществлялся также с учетом разного времени и дня посещения парка, учитывались будние и выходные дни, а также дни проведения в парке мероприятий разной направленности (Сабантуй, «Играет духовой оркестр», День здоровья и т.п.). Карты рисовались посетителями прямо в парке, таким образом соответствуя спонтанному, а не «детальному» типу карт, т.е. созданные «прямо сейчас», без специальной подготовки, с минимумом подручных материалов – лист, маркеры, карандаши.

Особенностью данного метода является то, что карты, изображаемые самими информантами, могут и не совпадать с картами парка в представлении картографов. Первое несовпадение наблюдалось между официальной границей парка и границей воспринимаемой

самими информантами. Кроме того, на карте парка появлялись пустые места, своеобразные «белые пятна». Подобно тому как на средневековых картах неведомые земли на краю ойкумены подписывали латинской фразой «тут обитают драконы», на карте парка им. Чехова появлялись территории, никак не задействованные посетителями в своих повседневных практиках. Примечательно, что и комментарии данные информантами о данной зоне парка содержали в себе схожие со средневековой формулой описания «*Мы досюда не ходили*», «*Там лес. Там даже лавочек нет*», «*не реально туда идти. Смысл?*». Несовпадение рисунков с официальными картами связано также с тем, что они отображают только те участки пространства, которые являются для индивида значимыми, ценными. В случае карт парка Чехова это отразилось как в полном отсутствии некоторых объектов на картах информантов из разных целевых групп, так и в порядке обозначения объектов. Например, фонтан, располагающийся на центральной аллее парка и, казалось бы, являющийся местом притяжения посетителей, в ментальных картах подростков «появлялся» далеко не самым первым (этим данная группа существенно отличалась от группы пожилых и взрослых с детьми). Были случаи, что о данном объекте вспоминали только при выполнении задания на обозначение маршрута, т.е. только к середине интервью. Фонтан, который как выяснилось в ходе исследования «оккупирован» детьми дошкольного и младшего школьного возраста и их родителями, уже не использовался подростками как место встреч, воспринимался как слишком «шумное место», поэтому на картах или не фигурировал, или появлялся далеко не в первую очередь. Вышесказанное соответствует одному из субъектно-ориентированных аспектов в образе окружения, выделенных К. Линчем, практическому или эмоциональному значению места для информанта. Как отмечает в своей статье Н.В. Веселкова «информант участвуют в артикуляции объекта картографирования: будет ли это некий предсуществующий образ или взаимное конструирование карты и представлений» [3, С. 27]. В нашем исследовании при выполнении 3-го задания, размещении на карте парка недостающих, желаемых объектов, интересным было именно то, каким образом менялись взгляды посетителей на необходимость тех или иных объектов. Сам парк начинал восприниматься как живой организм, в котором появление даже одного нового объекта потребует изменения всей системы связей между уже имеющимися объектами.

В заключении хотелось бы отметить, что формат статьи не позволил раскрыть подробно особенности анализа полученных в ходе исследования данных. Отдельного рассмотрения требуют не только сама методика, но и принципы анализа ментальных карт. Тем не менее мы не можем отрицать перспективность использования ментального картографирования для анализа городской среды как в микро-, так и в макромасштабе. При этом универсальность предложенной К. Линчем и его последователями методики позволяет использовать его как в сочетании с другими, более традиционными методами сбора данных, так и как самостоятельный метод.

Список литературы

1. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. № 3. 2013. С. 39-56
2. Глазков К.П. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 117. 2013. С. 136-151
3. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология 4М. № 31. 2010. С. 5-29
4. Линч К. Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева; Сост. А.В. Иконников; Под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
5. Стрельникова А.В. Социальное картографирование: эволюция метода // Вестник РГГУ. Серия: Философия, Социология, Искусствоведение. №2 (103). 2013. С. 2010-2017

A. Procofyeva, E. Ilinykh

METHOD OF MENTAL MAPPING IN STUDY OF URBAN SPACE

The article is devoted to the methodology of the study of urban space, namely the description of one of the modern techniques - "mental mapping". "Mental mapping" is gaining more and more popular tool for exploring the city. This article describes: theoretical basis of this method, as well as the experience of its application in the study of the A.P. Chekhov park (Perm).

Keywords: mental maps, mapping, methods of exploring the city